

КУЛЬТУРА МИРА

Том 14. Выпуск 1.

(№ 52)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.
Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 24,25

CULTURAL WORLD

Volume 14. Issue 1.

(№ 52)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2026

Нурутдинова А.Р.

Кандидат педагогических наук, доцент. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Фаттахова Н.Н.

Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Права человека, культурная идентичность и глобализация в паремиях: лингвосенсорный анализ*

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации ключевых социально-философских концептов – прав человека, культурной идентичности и глобализации – в русском паремиологическом фонде. Цель исследования заключается в выявлении глубинных лингвосенсорных моделей, которые опосредуют восприятие этих абстрактных проблем через призму телесного и чувственного опыта, закрепленного в языке. Методологическую основу составляет интегративный лингвосенсорный подход, синтезирующий методы семантико-когнитивного анализа паремий, контекстуальной интерпретации и лингвокультурологии. Центральным объектом анализа выступают соматические компоненты (телесные метафоры вкуса, осязания, пространства, боли), которые выступают в качестве ключей к расшифровке архаичных, но устойчивых культурных кодов. Доказано, что проблематика прав человека в русских паремиях кодируется преимущественно через оппозиции «воли/неволи» и «правды/кривды», выражаемые сенсорикой физического действия, ограничения и этического чувства. Процессы глобализации и взаимодействие с «другим» репрезентируются через бинарную оппозицию «свой/чужой», материализованную в сенсорных кодах пищи (свое vs. чуждое), боли (угроза) и освоенного vs. чужого пространства. Автор утверждает, что паремии функционируют как стабильные накопители коллективного чувственного опыта, через которые культура осмысляет и концептуализирует сложные социальные явления. Лингвосенсорный анализ признается эффективным инструментом для критической деконструкции современных международных, политических и образовательных дискурсов, позволяющим вскрыть их неочевидные культурно-обусловленные основания. Результаты исследования имеют практическую значимость: они могут быть применены для повышения эффективности межкультурной коммуникации, в практике перевода, а также при разработке образовательных программ в области культурологии, политологии и лингвистики, способствуя преодолению методологического этноцентризма и учета культурной специфики восприятия.

Ключевые слова: лингвосенсорика, паремиология, соматический код, культурная концептология, русский язык, права человека, глобализация, культурная идентичность.

Nurutdinova A.R.

PhD in Education, Associate Professor. Kazan (Volga Region) Federal University.

* © Нурутдинова А.Р., Фаттахова Н.Н., 2026.

Права человека, культурная идентичность и глобализация в паремиях: лингвосенсорный анализ

Fattakhova N.N.*Doctor of Philological Sciences, Professor of Philology. Kazan (Volga Region) Federal University.***Human rights, cultural identity and globalization in proverbs: a linguo-sensory analysis**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the representation of key socio-philosophical concepts – human rights, cultural identity, and globalization – in the Russian paremiological fund (proverbs and sayings). The aim of the study is to identify deep-seated linguo-sensory models that mediate the perception of these abstract problems through the prism of bodily and sensory experience embedded in language. The methodological foundation is an integrative linguo-sensory approach synthesizing methods of semantic-cognitive analysis of paremias, contextual interpretation, and linguoculturology. The central objects of analysis are somatic components (bodily metaphors of taste, touch, space, pain), which serve as keys to deciphering archaic yet enduring cultural codes. It is proven that the issue of human rights in Russian paremias is encoded primarily through the oppositions “volya/nevolya” (freedom/bondage) and “pravda/krivda” (truth/falsehood), expressed by the sensorics of physical action, restriction, and ethical feeling. Globalization processes and interaction with the “other” are represented through the binary opposition “svoi/chuzhoi” (one’s own/ alien), materialized in the sensory codes of food (familiar vs. alien), pain (threat), and mastered vs. alien space. The author argues that paremias function as stable repositories of collective sensory experience through which culture comprehends and conceptualizes complex social phenomena. Linguo-sensory analysis is recognized as an effective tool for the critical deconstruction of contemporary international, political, and educational discourses, allowing for the revelation of their non-obvious culturally conditioned foundations. The results of the study have practical significance: they can be applied to enhance the effectiveness of intercultural communication, in translation practice, as well as in the development of educational programs in the fields of cultural studies, political science, and linguistics, contributing to overcoming methodological ethnocentrism and accounting for cultural specificity of perception.

Key words: linguosensorics, paremiology, somatic code, cultural conceptology, Russian language, human rights, globalization, cultural identity.

Благодарности: Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

Введение

В условиях глобализации, сопровождающейся универсализацией дискурсов о правах человека, международном взаимодействии и культурной идентичности, особую актуальность приобретает обращение к архаичным

пластам коллективного сознания, зафиксированным в языке. Современные социально-политические и образовательные дискурсы, доминирующие в международном пространстве, зачастую игнорируют глубинные, чувственно-телесные основания культурного мировосприятия, что ведет к методологическим упрощениям и межкультурным барьерам. Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми факторами:

– **Теоретико-методологическая потребность** в инструментах, позволяющих деконструировать универсалистские дискурсы (о правах, свободе, глобализации) и выявить их скрытую культурную обусловленность.

– **Практическая значимость для межкультурной коммуникации и образования**, где игнорирование культурно-специфичных кодов ведет к непониманию и конфликтам. Результаты анализа могут быть использованы при разработке учебных программ, тренингов и адаптации международных документов.

– **Необходимость сохранения и осмысления культурной идентичности** в эпоху глобальных трансформаций. Лингвосенсорный анализ паремий позволяет реконструировать «телесную матрицу» культуры, определяющую её реакцию на вызовы современности.

Вопросы взаимосвязи языка, культуры и телесности разрабатываются в лингвокультурологии [4; 25] и соматической лингвистике [30]. Специфику паремий как культурных знаков детально изучает паремиология [16; 21]. Однако кросс-культурный анализ репрезентации базовых социальных концептов в паремиях через призму **лингвосенсорики** остается недостаточно разработанным. Существующие исследования, как правило, сосредотачиваются на семантике или ценностях вне системного чувственно-телесного подхода.

Паремии мы рассматриваем как первичный объект анализа, поскольку они представляют собой «концентрированное выражение коллективного опыта, закреплённое в языковой форме» [21]. Они не просто передают моральные нормы, но и хранят *архаичные модели мировосприятия*, закодированные в чувственно-образных формулах. Г.Л. Пермяков справедливо называл паремии «клише житейской философии», которые отражают типичные ситуации через призму культурно-обусловленных смыслов [21]. Такой статус делает паремиологический фонд уникальным материалом для реконструкции глубинных, нерелексированных культурных установок, в том числе касающихся прав, свободы и взаимодействия с «другими». Телесный и чувственный опыт формирует базовые представления о личных правах и свободе в русской паремиологической картине мира [3; 5]. Посредством соматического кода – системы телесно-ориентированных метафор – эти культуры концептуализируют абстрактные правовые и этические категории, такие как свобода, граница и долг, проецируя их на физические действия, пространственные ощущения и тактильные пе-

реживания [11].

Методологической основой работы выступает лингвосенсорный подход, который интегрирует принципы анализа языка, телесного опыта и культурных смыслов. Сенсорные восприятия (вкус, осязание, зрение) и соматические переживания (действие, движение, пространственное расположение) формируют базис для концептуализации абстрактных идей [14, с. 67]. Ключевыми являются понятия «соматического кода» как системы телесно-ориентированных знаков культуры и «телесной метафоры», которая проецирует физический опыт на ментальные и социальные сферы [2, с. 112]. Как отмечает В.А. Маслова, «язык помнит весь путь чувственного освоения мира человеком» [14, с. 70], что делает лингвосенсорный анализ релевантным для изучения культурных архетипов.

Целью данной статьи является выявление лингвосенсорных моделей, опосредующих восприятие и вербализацию концептов прав человека, культурной идентичности и глобализации в русской паремиологической картине мира. **Для достижения цели решаются следующие задачи:**

1. Определить методологические основы лингвосенсорного подхода применительно к анализу паремий.

2. Выявить и систематизировать ключевые соматические коды (телесные метафоры), формирующие семантическое поле «воли/неволи» в русских паремиях.

3. Проанализировать, как оппозиция «свой/чужой» и феномен глобализации концептуализируются через сенсорные коды пищи, боли и пространства.

4. Обосновать практическую значимость полученных результатов для современных гуманитарных практик.

Материалом исследования выступает корпус русских пословиц и поговорок, отобранных из паремиологических сборников (В.И. Даля, В.М. Мокиенко, П. С. Дронова, В.П. Жукова и др.).

Основное содержание

Соматические коды концепта «воля/неволя» как основа восприятия свободы и права. В русской паремиологической картине мира абстрактные концепты личной свободы («воля») и высшей справедливости («правда») концептуализируются через комплексный *соматический код физического действия, напряжения и его внешнего или внутреннего ограничения*. Код является их чувственно-телесным основанием, формируя архаичный, но устойчивый культурный архетип. Соматизмы в фольклоре выступают носителями системно организованных культурных смыслов, репрезентируя глубинные ценности и страхи коллектива [24]. Анализ предоставленного корпуса пословиц позволяет выделить несколько взаимосвязанных кодов.

Код насильственного принуждения и подчинения: ШЕЯ / ГОРЛО /

ХОМУТ. Прямой образ НЕВОЛИ создается через соматизмы, связанные с *насильственным ограничением подвижности и удушением*. ШЕЯ – не просто анатомическая часть тела, а ключевой семантический компонент, маркирующий состояние полной зависимости и уязвимости. ШЕЯ как объект агрессии, точка приложения порабощающей силы – «Аркан – не таракан: зубов нет, а шею ест» [7] – безобидный таракан (*символ мелкой бытовой неприятности*) контрастирует с арканом (*орудием поимки и усмирения скота*) через метафору – и человека. Глагол ЕСТ активизирует сенсорный комплекс: тактильное ощущение давления и боли, и вкусовая метафора уничтожения, где свобода СЪЕДАЕТСЯ внешним принуждением. В этом образе ВОЛЯ как субъектное состояние полностью нивелируется, превращаясь в объект потребления враждебной силой.

«Была бы шея, а хомут найдется» [15, с. 112], раскрывает фаталистический аспект, где ШЕЯ – это пассивный атрибут для наложения ярма (ХОМУТА). Конструкция «была бы ... найдется» указывает на предопределенность: существование шеи (человека) гарантирует неизбежность появления сковывающей его доли. Хомут – это не внезапная агрессия аркана, а *институционализованная форма несвободы*, рутинное, бытовое ярмо, которое в наличии для того, кто готов (или обречен) его принять [19]. ШЕЯ – это локус внешнего захвата. ГОРЛО – метафора *подавления внутренней, жизненной силы* – голоса, дыхания, возможности существовать. «Наступи на горло, да по доброй воле» [28, с. 98] описывает парадоксальную ситуацию *инсценировки свободы выбора в условиях абсолютного физического принуждения*. Тактильное переживание удушья становится телесным аналогом морального насилия.

Таким образом, детализация соматического кода ШЕЯ/ГОРЛО/ХОМУТ позволяет утверждать, что концепт НЕВОЛИ формируется как *переживание физического страдания от внешнего, насильственного ограничения жизненно важных функций* (дыхание, речь, движение). Код служит чувственной основой для понимания права как *отсутствия насильственного принуждения*. Свобода (ВОЛЯ) как *способность дышать, говорить и действовать без угрозы «аркана» или «хомута»*. Глубинный, архаичный код, взаимодействуя с другими соматическими моделями продолжает влиять на современные представления о свободе и справедливости в русской лингвокультуре [3].

Код немоты и подавления речи: РОТ / ЯЗЫК / ГОЛОС. В системе соматических кодов русской паремиологии, формирующих семантическое поле НЕВОЛИ, метафоры, связанные с речевым аппаратом занимают центральное место. Если лексемы ШЕЯ / ГОРЛО / ХОМУТ репрезентируют физическое порабощение тела, то лексемы РОТ / ЯЗЫК / ГОЛОС символизируют *порабощение личности через подавление ее самовыражения*. Свобода слова ВОЛЯ МОЛВИТЬ осмысляется как неотъемлемая и чув-

ственно переживаемая часть личной свободы в целом, а её отсутствие как одно из унижительных проявлений несвободы [5].

Можно выделить два основных вектора: 1) *внешнее насильственное подавление речи* и 2) *внутренняя, природная неспособность к выражению*.

– Вектор *внешнего подавления* представлен в пословицах, где желание говорить сталкивается с прямым внешним запретом. «Долог у коровы язык, да не велят (не дают) говорить» [7, с. 145] построена на контрасте между физической возможностью ДОЛОГ ЯЗЫК и социально навязанной невозможностью НЕ ВЕЛЯТ. Субъектом действия выступает агент принуждения, выраженный глаголом **ВЕЛЕТЬ** – создаёт образ *непосредственного властного вмешательства*, блокирующего естественную функцию. «Как тут говорить, где не дадут рта отворить» [28, с. 152] актуализирует сцену полного подчинения, где базовое физическое действие «открыть рот» требует разрешения извне. «На чужой роток не накинешь платок» [12, с. 234] фиксирует *признание принципиальной неконтролируемости чужой речи*. «Чужой рот – не свои ворота, не затворишь» [12, с. 234] маркируют границу собственной воли, признавая автономию другого. «Чужой рот» – символ *иной, автономной воли*, которую невозможно окончательно подчинить, как невозможно физически управлять частью чужого тела [20]. Соматизм **РОТ** метонимически замещает всю личность, а попытка его ЗАКРЫТЬ (*платком*) или ЗАТВОРИТЬ (*как ворота*) оценивается как тщетная. Код немоты включает в себя и *имплицитное право другого на голос*, что делает картину свободы сложной [6].

– Вектор *внутренней неспособности* смещает акцент на *внутренний недостаток, делающий речь невозможной*. Соматизм ГОЛОС – как данная свыше способность. Пословица «Спела б и рыбка песенку, когда б голос был» [15, с. 188] – создаёт метафору *экзистенциальной немоты, глубокого молчания природы*, а «Голосу нет, а любит петь» [7] констатируется разрыв между *внутренним порывом и внешней реализацией*. Внутренняя неспособность сближает данный код с кодом физического бессилия «близок локоть, да не укусишь»: но если там речь идёт о моторной функции, то здесь о *коммуникативно-творческой*. Отсутствие голоса становится метафорой личной неполноценности или отсутствия дара, что воспринимается как форма несвободы, но уже надрациональная, фатальная [18].

Соматизм ЯЗЫК – как *символ действенного выражения воли или мысли*. «Ум есть сладко съест, да язык короток» [28, с. 265] – здесь УМ (потенциал, желание) противопоставлен КОРОТКОМУ ЯЗЫКУ – *неспособности это желание реализовать, дотянуться до предмета хотения*. Язык метафорически наделяется функцией конечности, органа хватания, а его «короткость» делает волю тщетной [20]. Антиподом несвободы выступает «Что на уме, то и на языке» [7, с. 380], представляющая идеал речевой свободы как *прямого и беспрепятственного канала между внутренним ми-*

ром УМ и его внешним воплощением ЯЗЫК. Отсутствие канала (когда язык «короток» или ему «не велят») и есть суть речевой «неволи».

Таким образом, соматизмы РОТ / ЯЗЫК / ГОЛОС детализируют концепт «неволи» через призму коммуникативного насилия и экзистенциальной неспособности. Он показывает, что в русской языковой картине мира свобода осмысляется не только как *отсутствие физических оков (хомута на шее)*, но и как *наличие возможности свободного звучания своего голоса*. Подавление этой возможности («не дадут рта отворить») равноценно акту удушения, а внутренняя немота («голосу нет») воспринимается как природный удел, родственный фатальной «доле». Этот код в системе с другими соматическими моделями формирует целостное представление о том, что *подлинная ВОЛЯ реализуется лишь там, где мысль, не встречая внешних преград и внутренних недостатков, находит своё полное и прямое выражение в слове* [23].

Код фатализма и принятия: ГОЛОВА / ДОЛЯ / ЛОБ как соматические пределы воли. Лексемы ГОЛОВА / ДОЛЯ / ЛОБ – *метафизический предел* для человеческой воли, сводя ВОЛЮ в сферу *предопределённого* удела. ГОЛОВА – *символ необратимой судьбы* [19] «Другой головы не приставишь» и «Сняв голову, не приставишь» [7, с. 93] констатируют невозможность изменить свою сущность. «Не мудрено голову срубить, мудрено приставить» [15, с. 102; 16] – вводит оппозицию легкого деструктивного действия СРУБИТЬ и невозможного созидательного ПРИСТАВИТЬ. ВОЛЯ может разрушить СРУБИТЬ, но не способна восстановить утраченную целостность. ГОЛОВА становится метафорой хрупкого и уникального жизненного порядка, который не подлежит восстановлению простым волевым актом [11].

Лексема ДОЛИ (участи, судьбы, жребия) является смысловым стержнем и рассматривается как нечто, *данное свыше и принимаемое всем телом*, помимо желания. «Хоть кричи, хоть рычи, а быть Пахому такому» [28, с. 298] активное, но тщетное действие «кричи, рычи» противопоставлено пассивному, но неизбежному состоянию «*быть... такому*». Фатализм проецируется на сферу социальной несправедливости «*Всех мимо, а Мину (или: а меня) в рыло*» [7, с. 345]. Судьба – это *неравный, болезненный удар* в РЫЛО, который достается конкретному человеку, когда других он минует; ДОЛЯ – как *физически переживаемая несправедливость*, которую воля не в силах отвести [29].

ЛОБ символизирует *врождённый, природный предел* человеческих возможностей и амбиций. «*Выше лба уши не растут*» [12, с. 58] маркирует *естественную, анатомическую границу роста*, переносимую на социальную и личную сферы: *нельзя превзойти отведённую тебе природой или судьбой меру*. Воля, стремящаяся к тому, что *ВЫШЕ ЛБА*, заведомо тщетна. Этот же код *естественного предела* работает в поговорке «*Нога ногу мину-*

ет, а голова головы не минует» [7, с. 228]. Части тела могут избежать друг друга «нога ногу минует», но своей собственной судьбы «голова головы» не избежать, где ГОЛОВА метонимически замещает целое через часть: твоя собственная голова (твоя личность, твоя судьба) всегда с тобой, ты не можешь от неё убежать, как можешь переставить ноги [1].

ГОЛОВА / ДОЛЯ / ЛОБ служит мировоззренческим фундаментом: фатальности ДОЛИ делает внешнее принуждение ШЕЯ / ХОМУТ проявлением высшего порядка («Была бы шея, а хомут найдется»), а немоту – свойством самой природы. «По чужу голову идти – свою нести» [17] устанавливает этический предел воле, караемой принятием тяжкой ответственности и расплаты – новую ДОЛЮ. Лексемы ГОЛОВА / ДОЛЯ / ЛОБ вводят в концепт «неволи» измерение судьбы и естественного предела. Они смягчают трагизм кодов насильственного принуждения и немоты, переводя их в плоскость фаталистического принятия. ВОЛЯ оказывается способностью действовать внутри онтологически данных границ своей ДОЛИ, своего ЛБА, своей неповторимой и неотчуждаемой ГОЛОВЫ. Глубинная установка формирует специфически русский взгляд на свободу как на пространство манёвра внутри заведомо данных обстоятельств, а не как на их абсолютное отрицание или правовую защиту от них [5].

Код недостижимости и тщетности усилий: ЛОКОТЬ / ЗУБ / ГЛАЗ / РУКА. Лексемы ЛОКОТЬ / ЗУБ / ГЛАЗ / РУКА представляют внутренний, имманентный крах волевого усилия как парадоксальную немощь: тело, обладающее всеми органами действия и восприятия, оказывается способно выполнить простейшую операцию по отношению к самому себе или близко расположенному объекту [13]. Лексемы концептуализируют ВОЛЮ через её саморазрушение в момент реализации, формируя семантику фрустрации и экзистенциального тупика [22].

Ядром является конфликт между тактильной близостью объекта и моторной невозможностью. «Близко локоть, да не укусишь»; «Своего локтя не укусишь»; «Подмышку близко, да зуб неймет» [7, с. 25, 345] моделируют ситуацию абсурдной самоблокировки, где структура тела становится непреодолимым барьером для ВОЛИ. ЛОКОТЬ и ПОДМЫШКА – это части собственного тела, максимально близкие, доступные тактильному ощущению, но при этом онтологически недоступные для рта и зубов как органов захвата и потребления [26]. НЕВОЛЯ – это структурный дефект системы «желание–действие». ВОЛЯ наталкивается на имманентное ограничение тела. Данный код отличается от фатализма ГОЛОВЫ / ДОЛИ: если там предел задан извне (судьбой), то здесь заложен внутри самой природы тела.

Другой аспект фиксирует сенсорно-моторный разрыв (между восприятием и действием, между видением и овладением). [25] «Око видит, да зуб неймет»; «Видит глаз, да рука не сягнет» [28] противопоставляет успеш-

ное восприятие бессилию действия (глаголы НЕЙМЕТ и НЕ СЯГНЕТ). Семантический разрыв создаёт образ *мучительной привилегии зрения*: человек обречён видеть то, что никогда не сможет получить [11]. ВОЛЯ становится источником страдания и взаимодействует с концептом правды: «*Правда глаза колет*» [15] переводит физическую недостижимость в *регистр болезненного воздействия истины*. Если в первом случае глаз пассивен и бессилён, то во втором он становится объектом агрессивного внешнего воздействия (КОЛЕТ). *Невозможность действия* (ЗУБ НЕЙМЕТ) превращается в *невыносимость созерцания* (ГЛАЗА КОЛЕТ).

Утрата волевого контроля над телесной реакцией – «*Рад бы заплакал, да слез нету; не рад и смеху, так рот ведет*» [7, с. 320], где РОТ действует автономно, вопреки желанию субъекта («не рад и смеху») – высшая степень внутренней несвободы: тело не просто не может выполнить приказ воли (как локоть или рука), оно *активно действует наперекор ей*. Данный образ переключается с кодом немоты (ГОЛОСУ НЕТ): но если там *проблема в отсутствии инструмента для выражения*, то здесь – в *неподконтрольности самого инструмента*, что уже не просто отсутствие голоса, а *измена собственного тела*, что является глубокой формой НЕВОЛИ [9].

Данный код является *промежуточным звеном* между активным страданием и фаталистическим принятием. [22] Они *подготавливает почву для кода фатализма* (ГОЛОВА/ДОЛЯ). Постоянный опыт тщетности усилий (ЗУБ НЕЙМЕТ, РУКА НЕ СЯГНЕТ) логически ведёт к выводу о *предопределённости* («*Хоть кричи, хоть рычи, а быть Пахому такому*») [20]. Бессилие рационализируется как судьба. Они *контрастирует с кодом насильственного принуждения*. Если там воля *подавлена извне* (аркан ест шею), то здесь она *исчерпывается изнутри*, не встретив сопротивления. Они *обнажает основу для «кривды»*. Пассивность и бессилие («рука не сягнет») могут трактоваться как *неспособность добиться своей «правды»*, что создаёт почву для *неправедных решений* («*У кого руки подлиннее, тот и правее*» – [12, с. 210]. Моторное бессилие одной РУКИ оправдывает *силовое преимущество* другой, подменяя право силой.

Таким образом, ЛОКОТЬ / ЗУБ / ГЛАЗ / РУКА вербализуют концепт «неволи» как *внутренний «коллапс» волевого акта*. [20] Несвобода коренится не только во внешнем насилии или небесном предопределении, но и в *фундаментальном несовпадении человеческого желания с возможностями его телесного воплощения* [27]. Воля – терпит поражение потому, что она, столкнувшись с близостью цели, *обнаруживает собственную немощь*. Код формирует глубоко пессимистический пласт в русской языковой картине мира, где право на действие и обладание постоянно ставится под сомнение *ограниченностью самого инструмента действия* – человеческого тела. [22; 25; 27].

Анализ соматических кодов, формирующих концепт ВОЛИ / НЕВО-

ЛИ, позволяет перейти к исследованию того, как *кодируются межгрупповые отношения, коллективная идентичность и восприятие ДРУГОГО через сенсорный опыт*. [22] Проблематика культурного взаимодействия находит глубинные прототипы в архаичных моделях осмысления границы между СВОИМ и ЧУЖИМ, где она материализуется, приобретая вкус, вес, тактильные свойства и пространственную локализацию, формируя сложную систему лингвосенсорных кодов [26]. В основе различения СВОЕГО / ЧУЖОГО лежит *соматический код телесной инкорпорации и дистанции*. СВОЕ переживается как неотъемлемая, болезненно чувствительная часть собственного тела, тогда как ЧУЖОЕ воспринимается как внешнее, неосязаемое или нечувствительное и реализуется через несколько ключевых моделей.

Код органической близости и боли: соматизация границы через эмпатию и ее отсутствие кодирует культурную идентичность и социальную дистанцию через *фундаментальную дихотомию физически ощущаемой и отрицаемой боли*. В её основе лежит соматическая метафора, где СВОЕ как прямое продолжение собственного тела, чье повреждение вызывает непосредственное сенсорное и эмоциональное страдание. ЧУЖОЕ существует за пределами зоны телесной эмпатии, что создает психологическую и этическую основу для отстраненности. Телесный опыт служит универсальным языком для описания социальных связей [22]. Связь между физическим ощущением и эмоциональной привязанностью устанавливается через прямые аналогии *«Что к огню ближе, то жарче; что к сердцу ближе, то больнее»* [7, с. 350]. Культурно и эмоционально близкое («к сердцу») уподобляется источнику физического чувства – жару / боли от пламени, локализуя СВОЕ в эпицентре телесного восприятия. *«Своя болячка – велик желвак»; «Чужая болячка – не своя боль»* (Фелицына, Прохоров, 1988, с. 45) – нормативная установка, предписывающая разную степень включенности.

Примеры с использованием интенсивных, локализованных видов боли, выступающих сенсорным эталоном для разграничения внутреннего и внешнего миров [6]. Зубная боль, как один из самых острых и личных опытов, маркирует границу *«Болен зуб у себя во рту»*, тогда как *«За чужой щекой зуб не болит»* [15]. Принцип сенсорного отрицания распространяется и метонимически на целостность чужой жизни. *«Чужая икура не болит»* [7, с. 380] использует «шкуру» как символ физической оболочки и чужой субъектности; утверждение «не болит» снимает моральную ответственность, поскольку чужая телесность не является рецепторным полем субъекта [9]. Потенциально позитивное взаимодействие с «другим» лишается экзистенциальной глубины *«Чужие руки легки, да не к сердцу»* [7, с. 380] – помощь извне (РУКИ) остается функциональной, но не достигает эмоционально-телесного центра Я, оставаясь внешней и менее значимой

[6]. Модель подчеркивает непреодолимую разницу субъективных миров «Что у тебя болит, то у друга не свербит» [12, с. 58]. Даже друг, как близкий ЧУЖОЙ, не может разделить специфику навязчивого, раздражающего дискомфорта (СВЕРБЕТЬ). Онтологическая разделенность оправдывает императивные запреты на вмешательство, выраженные через отталкивающие биологические метафоры: «Не зализывай чужих ран своими слюнями» [28, с. 152]. Чужая рана (проблема) и собственная слюна (ресурс, усилие) представлены как физиологически несовместимые, а их соединение – как социально некорректное [31].

Модель служит основой для описания социальной эксплуатации и насилия «На чужой спине ремешки драть» [7, с. 225] проецирует модель внешнего воздействия, причиняющего боль, на социальные отношения. СПИНА символизирует уязвимость, а ДРАТЬ РЕМЕШКИ – акт насильственного извлечения выгоды. Пассивность чужой СПИНЫ к боли в восприятии субъекта, её нахождение вне зоны собственной соматической эмпатии, делает такое действие не только мыслимым, но и социально допустимым в рамках этой картины мира [13]. Таким образом, через язык телесных ощущений культура конструирует и легитимирует этические границы между «своим» и «чужим».

Гастрономический код: вкус, усвояемость и пищевые табу как маркеры идентичности. Принадлежность к сообществу и дистанция по отношению к ЧУЖОМУ кодируются через фундаментальные метафоры пищеварения, вкуса и актов потребления. Культурная ассимиляция осмысливается как способность «усвоить» или «переварить», а граница между СВОИМ и ЧУЖИМ поддерживается системой пищевых табу и запретов на присвоение.

СВОЕ оценивается как вкусное, сытное и усвояемое в прямом и переносном смысле. «Свой хлеб сытнее» [15], где базовый пищевой и культурный символ «хлеб» в сочетании со сравнительной степенью «сытнее» указывает не на объективную питательность, а на глубинное субъективное чувство насыщения и удовлетворения, даруемое именно аутентичным, своим. Противопоставление усугубляется на уровне физиологической реакции «Своя болячка с калачом в горло нейдет», в то время как «Чужую печаль и с хлебом съешь» [7, с. 350] – контраст построен на возможности / невозможности акта глотания: чужая проблема метафорически «съедаема», то есть принимаема и преодолима, тогда как своя вызывает рефлекс физиологического отторжения «приправленной» лучшим («калачом») [9].

ЧУЖОЕ предстает недоступным, опасным, принципиально несъедобным объектом. «На чужой каравай рот не разевай» [28, с. 205] – это сенсомоторный запрет, пресекающий саму физическую готовность («разевать рот») к присвоению чужой собственности. «Не точи зубки на чужие куски» (там же) вводит агрессивно-пищеварительную метафору,

где «точить зубки» символизирует вынашивание желания и подготовку к захвату, что предписывается подавлять [20]. «*На чужое пиво не надуйшь рыла*» [7, с. 380], где «рыло» как образ алчного человека подчеркивает бесплодность и неприличие попытки смешать свою природу с чужим продуктом [13]. При этом сознание фиксирует *перцептивную иллюзию привлекательности чужого*, основанную на дистанции «*В чужой руке кус и дольше и толще*» [12, с. 89] – сама констатация служит предостережением от доверия подобным ощущениям. ЧУЖОЕ есть объективно качественное – «*Хороша рыба*» – но его системная чуждость и непринадлежность субъекту маркируется контекстом «*да на чужом она блюде*» [7, с. 380]. «Блюдо» выступает символом целостного культурного уклада. Темпоральная и экзистенциальная перспектива «*Чужим хлебом веку не прожить*» [7, с. 380] – зависимость от внешнего, чужого источника питания осмысливается как принципиально несостоятельная, неспособная обеспечить непрерывность и устойчивость существования. Гастрономические метафоры легитимируют этические и социальные границы.

Код пространственного ареала и естественного места: таксис и граница как закон. Культурная идентичность и межгрупповые отношения вербализируются через пространственные метафоры, где СВОЕ осмысливается как экологическая ниша / естественное, предписанное место, а ЧУЖОЕ – как территория за его границами. Культурная норма предписывает пребывание в своем локусе и ненарушение чужих пределов, что превращает пространственный таксис в этический закон. Базовый принцип сформулирован в зооморфной метафоре «*Всяк кулик свое болото хвалит*» [12, с. 89] – важно не объективное качество «болота», которое может быть и некомфортным, а сам акт вербальной и экзистенциальной солидарности с ним «хвалит». Идея конкретизируется в прямом императиве строго определенного места в домашней иерархии «*Знай, сверчок, свой шесток!*» [7, с. 145] – выход за эти границы равносильен утрате идентичности.

Социальный принцип заключается в ответственности за свое пространство и невмешательстве в чужое, что выражено в повелительной формуле, превращающей бытовое действие в этическую максиму «*Мети всяк перед своими воротами!*» [7, с. 145], где «ворота» выступают символом границы между приватным, своим, и публичным, общим. Аналогичный запрет, но в сфере социальных ролей и компетенций «*Не в свои сани не садись!*» [16, с. 102], где присвоение чужого средства передвижения (атрибута статуса) влечет за собой неизбежную дисфункцию. При вхождении в чужую культурную среду требуется отказ от попыток навязывания собственных норм, что отражено «*В чужой монастырь со своим уставом не ходят*» [7, с. 225] – «монастырь» как закрытое сообщество с жесткими внутренними правилами становится прообразом любой культурной системы, требующей адаптации.

Граница между внутренним пространством группы и внешним миром охраняется, что иллюстрируют зооморфные метафоры. Конфликт внутри «своей» общности легитимен «*Свои собаки грызутся*», но любое вмешательство извне категорически табуировано – «*чужая не приставай!*» [28, с. 265]. Право на защиту своего пространства от деструктивного внешнего вмешательства, даже под благовидным предлогом, утверждается в яркой аллегории «*В чужой огород не пускают козла полоть*» [7, с. 225], где «огород» символизирует частную, утилитарную территорию, а «козел» некомпетентную и разрушительную силу. Паремии содержат протомодели процессов, актуальных для эпохи глобализации: универсализации, гибридации и сопротивления им. Императив «*Живи всяк своим умом да своим горбом!*» [15, с. 134] противопоставляет самодостаточность зависимости от «чужого ума» или «чужого хлеба», которые оцениваются как ненадежные «*Чужим умом недолго проживешь*», «*Чужая одежда не надежа*» [16].

Логическим пределом развития модели пространственной идентичности становится стратегия сознательной самоизоляции, выраженная в формуле «*Моя хата с краю, я ничего не знаю*» [15, с. 134]. «Хата с краю» – это топографическая метафора гипертрофированной локализации, где защита приватного пространства и личной безопасности достигается ценой отказа от социальной ответственности и осознанного знания. Культурная идентичность соматизируется как пребывание в правильно очерченном, СВОЕМ пространстве – будь то *тело, дом, шесток* или *болото*, – выход за пределы которого грозит утратой себя и конфликтом с другими [6].

Три лингвосенсорные модели (*органической близости/боли, гастрономическая, пространственно-ареальная*) образуют согласованную систему репрезентации культурной идентичности. Они переводят абстрактные понятия «свой/чужой» на язык *непосредственного телесного опыта: боли и ее отсутствия, голода и насыщения, тактильного дискомфорта от нарушения границ*. Модели не просто описывают статичное состояние, а задают *нормативные поведенческие программы: чувствовать только свою боль, не желать чужой пищи, оставаться в своем месте*. Через эти сенсорные коды паремиологический фонд артикулирует *консервативную, охранительную стратегию культурного взаимодействия*, где принятие ЧУЖОГО возможно лишь через его *полную ассимиляцию* («переваривание») или при *четком соблюдении границ* («чужого устава») [5]. Глубинные языковые структуры формируют архаичный каркас для восприятия современных процессов глобализации, которая видится либо как угроза целостности «тела-пищи-территории», либо как вызов, требующий крайней избирательной и осторожной реакции [4].

Заключение

Проведенное исследование подтвердило ценность лингвосенсорного подхода для анализа глубинных культурных кодов, запечатленных в па-

ремиологическом фонде русской лингвокультуры. На материале русских пословиц была реконструирована *чувственно-телесная матрица*, опосредующая восприятие ключевых социальных концептов.

Основные результаты работы сводятся к следующему:

1. Свобода и право в русской языковой картине мира концептуализируются не как абстрактные юридические категории, а как *пространство для манёвра, отвоеванное у обстоятельств*, что отражается в комплексе соматических моделей. Модели образуют семантическое поле «воли/неволи», включающее коды: а) внешнего принуждения, б) подавления речи, в) фаталистического принятия и г) имманентной тщетности усилий.

2. **Культурная идентичность и отношение к «другому»** формируются через систему сенсорных фильтров: дихотомию ощущаемой/неощущаемой боли, пищевые табу и пространственные границы. Система кодирует охранительную, осторожную стратегию межкультурного взаимодействия, где «чужое» оценивается как потенциально опасное или неусвояемое.

3. **Лингвосенсорный анализ паремий** доказал эффективность как инструмент деконструкции современных дискурсов и позволил выявить преемственность между архаичными телесными метафорами и современной риторикой в сферах политики, права и образования, где такие понятия, как «давление», «голос», «боль» или «несъедобное решение», имеют глубокие культурные корни.

Перспективы практического применения полученных результатов видятся в следующих областях:

– **Межкультурная коммуникация и дипломатия** для прогнозирования и смягчения культурных конфликтов, интерпретации реакций на международные инициативы.

– **Лингводидактика и перевод** для разработки методик обучения русскому языку как иностранному, углубленного понимания культурных коннотаций и адекватного перевода идиоматики.

– **Анализ дискурса и медиа** для критического осмысления публичных высказываний, политической риторики и медиатекстов, выявления скрытых культурных установок.

Таким образом, паремиологический фонд предстает как *живая система координат*, ключ к пониманию глубинных механизмов культурного восприятия, продолжающих влиять на коллективное сознание в условиях современных глобальных вызовов.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. - 2-е изд., испр. - Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: монография.

- Волгоград: Парадигма, 2009. 190 с.
4. Воркачев С.Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2010. 299 с.
 5. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2008. 199 с.
 6. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2007. 288 с.
 7. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – Москва: Художественная литература, 1996. Т. 1. 431 с.
 8. Дронов П.С. Академический словарь русской фразеологии / Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 260-261.
 9. Дронов П.С. В чью шкуру может рядиться волк: лексические модификации фразеологизма волк в овечьей шкуре в русском и английском языках // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 427-434.
 10. Дронов П.С. Глаза из орбит и глаза на лоб: об одном симптоматическом движении во фразеологии // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2020: Материалы международной конференции, Москва, 27 октября 2020 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2020. С. 13-19.
 11. Дронов П.С. Употребление и лексико-грамматические изменения идиом с соматическими компонентами глава 'голова', vrat 'шея' в сербском и хорватском языках: корпусное исследование // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 2. № 16. С. 77-101. – DOI: 10.30842/alp2306573716204.
 12. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок / В.П. Жуков. 5-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 2000. 544 с.
 13. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М.Л. Ковшова. – Москва: Либроком, 2012. 456 с.
 14. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов / В.А. Маслова. 2-е изд., стер. – Москва: Академия, 2018. 208 с.
 15. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок: более 40000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; Междунар. ассоц. преподавателей рус. языка и литературы; Рос. о-во преподавателей рус. языка и литературы; С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. словар. каб. им. проф. Б.А. Ларина – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.
 16. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учебное пособие / В.М. Мокиенко. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 2015. 343 с.
 17. Мокиенко В.М. Словарь русской паремиологии: пословицы, поговорки, крылатые слова, библеизмы / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 752 с.
 18. Ничипорчик Е.В. Актуальные проблемы современной паремиологии: практическое пособие / Е. В. Ничипорчик, И. Г. Гомонова. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. 45 с.
 19. Нурутдинова А.Р. Семантика и прагматика концептоферры лексемы «голова» в разноструктурных языках: когнитивные модели, пословичные контексты и соматическая метафорика // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных : Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой, Калуга, 28–30 июня 2025 года. – Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского», 2025. С. 284-292.
 20. Нурутдинова А.Р. Сравнительно-сопоставительная параметризация соматических презентаций через периферийные локусы (зубы / язык) в рамках паремиологического фонда трех лингвокультур // Libri Magistri. 2025. № 3 (33). С. 43-62.
 21. Пермяков Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 2019. 672 с.
 22. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков : Коллективная монография / Е.Р. Иоанесян, Н.К. Рябцева, М.Л. Ковшова [и др.]. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2020. 190 с.

- наук, 2020. 244 с.
23. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
24. Сычёва Н.А. Соматический код паремий русского языка в славянском этнолингвистическом контексте: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Сычёва. – Москва, 2022. 24 с.
25. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция в зеркале русской фразеологии // Вопросы языкознания. 2018. № 5.
26. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
27. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – Москва: Прогресс, 1995. 624 с.
28. Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров; под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – Москва: Русский язык, 1988. 272 с.
29. Хайруллина Р.Х., Леднева А.В. Языковая природа паремий и их роль в формировании языкового мировидения народа // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19008> (Дата обращения: 22.01.2026).
30. Шабес В.Я. Событие и текст / В.Я. Шабес. – Москва: Высшая школа, 2019. 176 с.
31. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие / Н. М. Шанский. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1985. 160 с.
32. Язык. Человек. Культура: Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. – Москва: Канцлер, 2022. 340 с.
33. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 62-73.
34. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – Москва: Художественная литература, 1996. Т. 2. 447 с.

References

1. Apresyan Yu.D. The Image of Man Based on Language Data: An Attempt at a Systematic Description // *Voprosy yazykoznaviya* [Problems of Linguistics]. 1995. № 1. P. 37-67.
2. Arutyunova N.D. Language and the World of Man / N. D. Arutyunova. 2nd ed., corrected. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 896 p.
3. Vorkachev S.G. Seek the Truth: The Idea of Justice in Russian Linguistic Culture: A Monograph. – Volgograd: Paradigma, 2009. 190 p.
4. Vorkachev S.G. Specificity of the Universal: The Idea of Justice in Linguistic Culture: A Monograph. – Volgograd: Paradigma, 2010. 299 p.
5. Vorkachev S.G. The Idea of Patriotism in Russian Linguistic Culture: A Monograph. – Volgograd: Paradigma, 2008. 199 p.
6. Gudkov D.B. The Body Code of Russian Culture: Materials for a Dictionary. – Moscow: Gnosis, 2007. 288 p.
7. Dahl V.I. Proverbs of the Russian People. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1996. Vol. 1. 431 p.
8. Dronov P.S. Academic Dictionary of Russian Phraseology. Baranov, A.N., Voznesenskaya, M.M., Dobrovolsky, D.O., Kiseleva, K.L., Kozerenko, A.D. 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Russian Language in Scientific Understanding, 2015. № 2 (30). P. 260-261.
9. Dronov P.S. In whose skin can a wolf disguise itself: lexical modifications of the phraseological unit “a wolf in sheep’s clothing” in Russian and English // *Cognitive Studies of Language*. 2014. № 19. P. 427-434.
10. Dronov P.S. Eyes from their sockets and eyes on the forehead: on one symptomatic movement in phraseology // *The human emotional sphere in language and communication: synchrony and diachrony – 2020: Proceedings of the international conference, Moscow, October 27, 2020.* – Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 13-19.
11. Dronov P.S. Use and lexical and grammatical changes of idioms with the somatic components *glava* ‘head’, *vrat* ‘neck’ in Serbian and Croatian: a corpus study // *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. 2020. Vol. 2. № 16. P. 77-101. – DOI: 10.30842/

alp2306573716204.

12. Zhukov V.P. Dictionary of Russian proverbs and sayings: about 1200 proverbs and sayings / V.P. Zhukov. 5th ed., reprinted. – Moscow: Russkiy Yazyk, 2000. 544 p.
13. Kovshova M.L. Lingvocultural method in phraseology. Codes of culture / M.L. Kovshova. – Moscow: Librokom, 2012. 456 p.
14. Maslova V.A. Lingvoculturology: a textbook for universities / V.A. Maslova. 2nd ed., reprinted. – Moscow: Academy, 2018. 208 p.
15. Mokienko V.M. Large dictionary of Russian proverbs: more than 40,000 figurative expressions / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina; International Association of Teachers of Russian Language and Literature; Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature; St. Petersburg State University, Interdepartmental Dictionary named after prof. B.A. Larin – Moscow: OLMA Media Group, 2008. 783 p.
16. Mokienko V.M. Slavic Phraseology: A Textbook / V.M. Mokienko. 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Vysshaya shkola, 2015. 343 p.
17. Mokienko V.M. Dictionary of Russian Paremiology: Proverbs, Sayings, Catchphrases, Biblical Quotes / V.M. Mokienko, K.P. Sidorenko. – Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2007. 752 p.
18. Nichiporchik E.V. Actual Problems of Modern Paremiology: A Practical Guide / E.V. Nichiporchik, I.G. Gomonova. – Gomel: GSU named after F. Skorina, 2023. 45 p.
19. Nurutdinova A.R. Semantics and pragmatics of the conceptofser lexeme “head” in languages with different structures: cognitive models, proverbial contexts, and somatic metaphors // Problems of semantics and pragmatics of linguistic units of different levels in the era of big language data: Proceedings of the International scientific conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor Olga Pavlovna Ermakova, Kaluga, June 28–30, 2025. – Kaluga: Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, 2025. P. 284–292.
20. Nurutdinova A.R. Comparative-contrastive parameterization of somatic representations through peripheral loci (teeth/tongue) within the framework of the paremiological fund of three linguocultures // Libri Magistri. 2025. № 3 (33). P. 43–62.
21. Permyakov G.L. Selected proverbs and sayings of the peoples of the East / G.L. Permyakov. – Moscow: Nauka, 2019. 672 p.
22. Representation of the emotional sphere of a person based on the material of different languages: Collective monograph / E.R. Ioanesyan, N.K. Ryabtseva, M.L. Kovshova [and others]. – Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020. 244 p.
23. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience / Yu.S. Stepanov. – Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1997. 824 p.
24. Sycheva N.A. Somatic code of proverbs of the Russian language in the Slavic ethnolinguistic context: author’s abstract. dis.... cand. Philol. Sciences: 10.02.01 / N.A. Sycheva. – Moscow, 2022. 24 p.
25. Telia, V.N. Cultural and Linguistic Competence in the Mirror of Russian Phraseology. Voprosy yazykoznaniya. 2018. № 5.
26. Telia, V.N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 288 p.
27. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeic Studies. Moscow: Progress, 1995. 624 p.
28. Felitsyna V.P. Russian Proverbs, Sayings, and Catchphrases: A Linguistic and Cultural Dictionary. Edited by E.M. Vereshchagin, V.G. – Moscow: Russian language, 1988. 272 p.
29. Khairullina R.Kh., Ledneva A.V. The linguistic nature of proverbs and their role in the formation of the linguistic worldview of the people // Modern problems of science and education. 2015. № 1-1. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19008> (01.22.2026).
30. Shabes V.Ya. Event and text / V.Ya. Shabes. – Moscow: Higher School, 2019. 176 p.
31. Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian language: textbook / N.M. Shansky. 3rd ed., rev. and additional – Moscow: Higher School, 1985. 160 p.
32. Language. Human. Culture: A collection of scientific papers dedicated to the anniversary of Maria Lvovna Kovshova. – Moscow: Kanzler, 2022. 340 p.
33. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a “political person” // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 62–73.
34. Dahl V.I. Proverbs of the Russian people: in 2 volumes / V.I. Dahl. – Moscow: Fiction, 1996. V. 2. 447 p.